

Научная статья

УДК 821.161.1.09»19»

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-3-124-135

ВОСПИТАНИЕ, РАЗВЛЕЧЕНИЕ И ЧАСТЬ ЖИЗНИ: КРУГ ЧТЕНИЯ А. И. ЭРТЕЛЯ И ГЕРОЕВ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Смирнова И. Ю.

Костромской областной медицинский колледж имени С. А. Богомолова, г. Кострома,

Российская Федерация

e-mail: Irisbaltsan@mail.ru

Поступила в редакцию 17.09.2025

Принята к публикации 02.10.2025

Аннотация

Цель. Аналитическое изучение мотива чтения и образов, характеров и типов читающих героев в прозе А. И. Эртеля.

Процедура и методы. В статье проводится обзор художественного наследия писателя в проекции исследуемого мотива и его реализаций. Методология работы включает целостный и герменевтический анализ, онтологический и аксиологический подходы. В статье осмысливается сбор собственной библиотеки Эртелем и рассказывается о её судьбе. Показано, что с печатным словом долгое время ассоциировались надежды писателя на просвещение народа и на практическое воспитание интеллигенции. В своих прозаических произведениях Эртель изображает героев разных нравов и убеждений, показывая значение осмысленного и выборочного чтения, опасность бессистемного чтения в ситуации неустойчивой системы взглядов.

Результаты. Мотив чтения, образ книги в наследии писателя говорят о его обширном кругозоре, помогают выявить разные этапы становления и эволюции его таланта. Осмысление мотива чтения приводит к осознанию автобиографических моментов в художественных текстах, использовании Эртелем при создании миров произведений собственного опыта, причём не всегда положительного. Круг литературных интересов героев Эртеля во многом отражает предпочтения самого автора, предостерегает читателя от ошибок не только в чтении, но и в жизни. В произведениях Эртеля первого периода творчества преобладают демократические настроения, ещё не разочаровавшийся в народническом движении писатель активно противопоставляет литературу «чистого искусства» и произведения народников. Позднее на первый план выходит идея просвещения народа, автобиографический герой в романе «Гардерины», Николай Рахманный, много читает для того, чтобы разобраться в жизни. В завершающий период творчества сам Эртель обращается к публицистике и переводам, несколько отходит от чисто практической деятельности к чтению абстрактному. Однако между самим писателем и его философски настроенными эстетам есть большая разница: Эртель предпочитал систематический труд на земле и помощь народу, в то время как его герои оказались неспособны к практическим решениям.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования связана с новаторским в отечественной филологии анализом произведений писателя второго ряда – А. И. Эртеля. Практическая значимость обусловлена выявлением ценных параллелей между героями и самим автором, осмыслением его отношения к книге и чтению.

Ключевые слова: интеллигенция, круг чтения, народ, народники, образование, практический труд, чтение

Для цитирования:

Смирнова И. Ю. Воспитание, развлечение и часть жизни: круг чтения А. И. Эртеля и героев его произведений // Отечественная филология. 2026. № 3. С. 124–135. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-124-135>.

Original research article

EDUCATION, ENTERTAINMENT, AND A PART OF LIFE: THE READING CIRCLE OF A. I. ERTTEL AND THE HEROES OF HIS WORKS

I. Smirnova

Kostroma Regional Medical College named after S. A. Bogomolov, Kostroma, Russian Federation
e-mail: Irisbaitsan@mail.ru

Received by the editorial office 17.09.2025

Accepted for publication 02.10.2025

Abstract

Aim. To study a motive for reading and images, characters, and types of reading heroes in the prose of A. I. Ertel.

Methodology. The article provides an overview of the writer's artistic heritage in terms of the motive under study and its implementations. The methodology of the work includes holistic and hermeneutic analysis, ontological and axiological approaches. The collection of Ertel's own library is reflected, and it is told about its fate in the article. It is shown that the writer's hopes for education of the people and the practical education of the intelligentsia have been associated with the printed word for a long time. In his prose works, Ertel depicts heroes of different morals and beliefs, showing the importance of meaningful and selective reading, the danger of unsystematic reading in a situation of an unstable system of views.

Results. The motive of reading and the image of the book in the writer's legacy testify to his broad outlook, helping to identify the different stages of the formation and evolution of his talent. Understanding the motive of reading leads to the awareness of autobiographical moments in fiction texts, Ertel's use of his own experience, that is not always positive, when creating the worlds of his works. The range of literary interests of Ertel's heroes largely reflects the author's preferences, warns the reader against mistakes not only in reading, but also in life. In the works of Ertel's first period of creativity, democratic sentiments prevail; not yet disappointed in the populist movement, the writer actively contrasts the literature of "pure art" and the works of the populists. Later, the idea of educating the people comes to the fore; the autobiographical hero in the novel "Gardeniny", Nikolai Rakhmanny, reads a lot in order to understand life. In the final period of his work, Ertel himself turns to journalism and translations, somewhat moving away from purely practical activities to abstract reading. However, there is a big difference between the writer himself and his philosophically minded aesthetes: Ertel preferred systematic work on the land and helping the people, while his heroes turned out to be incapable of practical decisions.

Research implications. The theoretical significance of the study relates to the innovative analysis of the works of the second-tier writer A. I. Ertel in Russian philology. The practical significance is determined by the identification of valuable parallels between the characters and the author himself, and the understanding of his attitude to the book and reading.

Keywords: intelligentsia, reading circle, people, populists, education, practical work, reading

For citation:

Smirnova, I. Yu. (2026). Education, Entertainment, and a Part of Life: The Reading Circle of A. I. Ertel and the Heroes of His Works. In: *Russian Studies in Philology*, 3, 124–135. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-124-135>.

Введение

Невозможно представить образованного человека, избегающего или не любящего чтения, по крайней мере, не признающего его полезным для развития и становления личности. Без регулярного чтения сложно вообразить и жизнь русского дворянства. Хотя круг чтения интеллигенции в XIX в. был достаточно своеобразен и зависел часто от вкусов и предпочтений, именно чтение было одним из самых важных источников информации не только познавательного, но и общественно-политического характера, а также средством развлечения и времяпрепровождения. М. В. Скорыходов отметил, что «увлечённость чтением отразилась в произведениях отечественной словесности XIX–XX вв., в эпистолярном наследии писателей, в свидетельствах их современников» [1, с. 204]. Определённые вкусы и предпочтения литераторов, нашедшие отражение в их художественных текстах, позволяют многое сказать о языковой личности автора, его способностях и возможностях влиять на читателей и формировать читательские горизонты. К примеру, В. Г. Андреева анализирует круг усадебного чтения Л. Н. Толстого, который ярко отражён в эпистолярном наследии классика: «Бытие Толстого в усадьбе непосредственно связано с чтением: им было изучено и проанализировано огромное количество книг, журналов, статей, писем. Корреспонденты присылали Толстому множество рукописей и корректур, вышедших изданий, прося совета, мнения по поводу таланта начинающего автора или значимости произведения. ... Встречающиеся в письмах высказывания Толстого о прочитанных им произведениях часто кратки, но они позволяют оценить объём чтения Толстого, литературу, которой он отдавал предпочтение» [2, с. 82]. Безусловно, литература, как и другие виды искусства, была и остаётся основой для формирования культурной среды общества, ориентиром на пути нравственного становления личности.

Ценным и значимым для понимания позиции автора, а также точек зрения в про-

изведениях художественной литературы является мотив чтения, реализованный в текстах. Через упоминание чтения, выражение искренней симпатии к книгам или, наоборот, равнодушия к ним, к определённым жанрам, темам, проблемам, через явные или скрытые реминисценции или аллюзии писатели часто передают характер героя, его жизненную позицию, вместе с тем формируя и собственные воззрения. Целью данной статьи является аналитическое осмысление мотива чтения в произведениях А. И. Эртеля – писателя, любившего книги не только в силу профессии, но и в силу искреннего и глубинного осмысления значения чтения и образования в жизни человека. В статье проводится обзор художественного наследия писателя в проекции исследуемого мотива и его реализаций. Методология работы включает целостный и герменевтический анализ, онтологический и аксиологический подходы.

Роль книг и чтения в жизни А. И. Эртеля

Выходец из народной среды, Эртель благодаря чтению и самообразованию стал одним из самых образованных людей своего времени. В письме к М. Н. Чистякову от 25 октября 1900 г. Этель отмечал: «Помоему, при нынешних условиях жизни не хорошо, если в доме, где растут дети, нет книг и нет привычки читать их, нет картин, нет музыки – одним словом, нет способности к тому, чтобы созидались культурные привычки, образовывались любовь и уважение к знанию, к искусству».¹

У Эртеля было особое отношение к книгам. Они окружали его на протяжении всей жизни. Лишённый возможности получить образование в детстве, он с большой жадностью читал всё, что ему попадалось. Круг его литературных интересов очень неоднороден, связано это было с отсутствием систематического образования, ограниченностью семьи в средствах, территориальной удалённостью имений, в которых служил

¹ Эртель А. И. Письма А. И. Эртеля. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1909. С. 387.

отец-управляющий: «Страсть к чтению у меня была пожирающая. Я читал всё, что попадалось под руку: прочитал Тургенева, когда мне было 14 лет – не всего, а только первые его произведения, Дарвина “О происхождении человека” – лет пятнадцати или шестнадцати. Рядом шли Лажечников, и Загоскин, и Зотов, и Дюма, и Поль Феваль, и Евгений Сю и какая-то “Испанская инквизиция” – и не перечислить всей дребедени и чепухи».¹ Позднее, обосновавшись с отцом в 45 верстах от города Усмани, на Плавице, писатель получил свои первые «впечатления бытия», здесь познакомился он с землевладельцем И. И. Богомоловым, который стал прототипом купца Рукодеева в романе «Гарденины», он и приучил юношу к чтению серьёзных книг. Заведуя в 1878–1880 гг. в Санкт-Петербурге библиотекой Засодимского, Эртель не только систематизировал имеющиеся в его распоряжении книги, но и привёл в порядок свои мысли, определился в литературных предпочтениях. А к 1900 г. писателем была собрана обширная личная библиотека.

Примечательно, что любовь к книгам сопровождала Эртеля на протяжении всего пути и была тесно связана с его личной жизнью и судьбой. Так, первой женой писателя стала Мария Ивановна Федотова, работавшая в момент их знакомства в библиотеке. Тогда ещё юный Эртель тянулся к будущей супруге не просто как к женщине, его влекла и сила знания, которая была в её руках в виде подведомственных ей книг. Конечно, дело не в том, что Эртель не смог бы взять книги без участия М. И. Федотовой, однако именно в ней писатель видел *собеседника и понимающего его человека*. Сложно переоценить роль М. И. Федотовой в развитии интереса Эртеля к современной ему демократической литературе. В послании будущей супруге Эртель отмечал неограниченную пользу для него библиотеки: «...я, несмотря на мою полнейшую неспособность к благодарным излияниям, принуждён, в отношении Вас, сделать это в высшей степени, потому что вы сделали в моей тёмной,

пошлой жизни то, что не смогли сделать в ней ни жалкая среда, окружающая меня, ни пошлые традиции семейства...»² Далее Эртель пишет о том, как он начал читать в библиотеке, как находил на страницах журналов дорогие для него имена, например, под впечатлением от прочитанных произведений Д. И. Писарева Эртель постепенно стал менять свои идеалы, бросил все «погоны за весёлыми рассказами».³

На протяжении жизни Эртель с большим уважением относился к книгам, хотя он не был библиофилом, к концу жизни им была собрана значительная библиотека. Литературовед О. Г. Ласунский в сборнике «Власть книги», вышедшем в свет в 1960-е гг., посвятил целую главу библиотеке Эртеля. Книга эта была даже отправлена в Лондон дочери писателя – Наталье Александровне Даддингтон. Исследователь отмечает: «Отношение к книге не только как к духовной пище, но и как к материальному предмету, который надо беречь, осталась у Эртеля на все годы. Где бы он ни жил позднее ... везде его сопровождали книги» [3, с. 71]. В доме-музее Никитина в Воронеже сохранился целый шкаф книг из личной библиотеки Эртеля. О. Ласунский выделяет среди них книги Пушкина, Байрона, Фейербаха, “Галерею Шлиссельбургских узников”, альманахи “Шиповник”, “Записки Екатерины II”, горьковские сборники “Знание”, произведения Мережковского, рассказы раннего Сергеева-Ценского и романы позднего Боборыкина, а также редкие тома сочинений Толстого с авторской правкой на полях [3, с. 71].

Библиотеку, собранную Эртелем за долгие годы, перевезла после смерти писателя из Петербурга его жена Мария Васильевна Эртель. Небольшую усадьбу в Воронежской области выбрал сам Эртель, но приобрела имение вдова писателя в 1912 г. Усадьба получила название «Эртелево». Поселившись в ней, семья Эртеля перевезла имущество и мебель из московской квартиры, в том чис-

¹ Эртель А. И. Письма А. И. Эртеля. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1909. С. 11.

² А. И. Эртель – М. И. Федотовой // Литературное наследство. Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 442.

³ Там же.

ле семейный архив, рабочий кабинет писателя с богатейшей библиотекой. Однако после революции имение перешло к государству. В 1953 г. часть мебели и библиотека Эртеля были переданы Дому-музею И. С. Никитина. Значительную часть библиотеки в 1930 г. вывезла в Англию вторая дочь писателя Е. А. Эртель.

Особенно трепетно хранил писатель книги, имеющие дарственные автографы: «переплетались они по особому заказу, с тиснением на корешке буквы “Э”, с отделкой форзацев атласной бумагой, с обязательной лентой-закладкой» [3, с. 72]. Из изданий с дарственными надписями в библиотеке Эртеля стоит упомянуть книгу И. А. Бунина «На край света и другие рассказы» 1897 г. (первый сборник бунинских рассказов), собранные воедино очерки Г. И. Успенского «Люди и нравы семейной деревни», «Хроники села Смурина» П. В. Засодимского. На каждой из них оставлены добрые пожелания и чувства глубокого уважения к Эртелю.

Книги для Эртеля были не только страстью, но и отдушиной на протяжении всех этапов его жизни. Замкнутое существование, невозможность длительных путешествий, планы и мечты о лучшем, об изменении агрессивной общественно-политической обстановки в России были тесно связаны с книгами. С печатным словом долгое время ассоциировались надежды писателя и на просвещение народа, и на преобразование интеллигенции. Сохранившаяся библиотека по сей день является для исследователей творчества Эртеля важным ориентиром на пути к пониманию философии и мировоззрения литератора.

Мотив чтения в прозе А. И. Эртеля

Значимое место в произведениях Эртеля занимает мотив чтения: лучшие герои наделены любовью к книгам. Писатель относился к чтению не только как к источнику удовольствия, а как к труду, позволяющему получить духовное, нравственное и интеллектуальное развитие. Идею влияния литературы на сознание людей реализует

Эртель в своих повестях и романах. Нельзя исключать, что появление в произведениях Эртеля читающих и развивающихся героев было связано и с идеей «заразительности» искусства Л. Н. Толстого. Однако не редки в прозе писателя и ситуации предостережения – иллюстрации, что литература должна не отрываться от жизни, а способствовать её осмыслению и правильному выстраиванию.

В конце XIX в. и даже начале XX в. чтение было доступно далеко не всем слоям населения пореформенной России, хотя ценность грамотности в обществе осознавалась. А. М. Белов и О. Ю. Галинская, приводя сведения о распространении грамотности по Костромской и Ярославской губерниям, отмечают: «В начале пореформенного периода в Костромской и Ярославской губерниях из-за численного превосходства сельского населения над городским общий уровень грамотности был низким. Например, в Костромской губернии в 1867 г. доля безграмотных мужчин достигала 84%, а женщин – 98%. ... К началу XX в., на протяжении пореформенного периода, уровень грамотности в обеих губерниях значительно вырос. По данным переписи 1897 г., Ярославская губерния входила в число 10 губерний Европейской России с наиболее высоким процентом грамотности среди населения (36%), а Костромская губерния была на 16-м месте среди губерний Европейской России, с уровнем грамотности населения в 24%. В среднем по России данный показатель составлял 21%» [4, с. 35–36]. Именно поэтому закономерно, что в произведениях Эртеля читающими оказываются три класса, имевшие доступ к образованию: дворянство, купцы и разночинцы.

Представителям высшего сословия были доступны любые литературные труды. А выбор книг во многом определял уровень кругозора и специфику мировоззрения дворян. Эртель изображает героев разных нравов и убеждений. Есть в его произведениях представители консервативных взглядов, истинные аристократы, литературные пристрастия которых осно-

ывались на романтических сочинениях и поэзии «чистого искусства». Таким является потомственный дворянин Карамышев в очерке «Липяга» из цикла «Записки Степняка». Стараясь произвести впечатление на юную невесту Любу, Сергей Львович увлечённо повествует ей «автобиографию “великого старца”» Гёте, приводит анализ его произведений «Герман и Доротея», «Римская элегия», «Ифигения в Тавриде», акцентируя внимание на особой ценности зарубежной литературы в формировании мировосприятия человека. Обращаясь к отечественным писателям, Карамышев выделяет творчество Лермонтова, уважая его за «роскошный перевод» Гёте. Весьма высоко оценивает он творчество Пушкина за «Каменного Гостя» и снисходительно прощает поэту его слабости в «Цыганах» и «Полтаве».¹ Избирательность Карамышева иллюстрирует его ограниченность. Не случайно Карамышев выделяет именно «Каменного гостя», ведь эта поэма представляет переосмысление легенды о Дон-Жуане, действие которой происходит в Мадриде XVII в., а главным её героем является Дон Гуан, испанский дворянин. В литературном выборе героя прослеживается интерес к культуре зарубежья, ставшей для Карамышева приоритетной, позволяющей окунуться в чувственность, которой ему не хватает в условиях России. Развёрнутый анализ «Дианы» Фета приводит жених, убеждённый, что именно этот образ соответствует идеалу Любаши: «Прелестна эта строгая простота и ясность античного идеала, и, по-моему, идеала будущего».² Однако девушка скучает и томится рядом с женихом, который совсем не понимает её духовного мира. В её позе и взгляде читалась «тоска, так несвойственная творениям “уравновешенной” Эллады», которая «нарушала иллюзию и портила сходство», но игнорировалась Карамышевым.³

Героиня изображена совсем другой, нежели её жених: представительни-

цей читающий интеллигенции. Любаша Обозинская из древнего дворянского рода, судьба её predetermined по рождению – она должна стать примерной супругой уважаемого и влиятельного человека. Однако героиня выбирает другой путь. Наперекор всем условностям дворянской среды Люба решает стать подружкой будущего врача, народника Лебедкина, ценности и убеждения которого она абсолютно разделяет. Карамышеву же несостоявшаяся невеста откровенно заявит: «Вы мне клетку золотую готовите... вы презираете народ, а я читала, я знаю, я “Miserables” читала, я читала газеты... Они – несчастные, они – голодные, а вы... про Фета распеваете... Вы меня не обманете – я уйду, я убегу к ним, я насмотрюсь на их голод, на их гнойное рубище... А вы оставайтесь с своим Фетом и любите другую!»⁴ Круг литературных интересов Любы обширен и объясняется спецификой мировоззрения героини. Обратим внимание, что современные газеты и «Отверженные» В. Гюго противопоставляются произведениям «чистого искусства». Эртель отмечает произведения демократической литературы, прочитанные Любой (и высоко оценённые самим писателем в плане воззвания к молодёжи). Люба читала роман «Шаг за шагом» И. В. Омулевского, получившего в 1870-е гг. особое признание в среде писателей революционно-демократических интересов, повесть «Мещанское счастье» Н. Г. Помяловского – видного писателя-реалиста 1860-х гг., повесть «Трудное время» В. А. Слепцова – писателя-демократа, отстаивавшего в своих работах интересы народа. Сама героиня готова идти в народ и разделить с ним его тяжёлую долю. Неудивительно, что в финале очерка Люба решается на побег с Фёдей Лебедкиным: «Мы бросим наши семьи, наших отцов и матерей и пойдём к нему, к великому страдальцу, в его ранах забыть свои раны, в его несчастьях сохранить свои».⁵ Таким образом, выбор книг и формирование двух

¹ Эртель А. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Московское книгоиздательство, 1909. С. 86.

² Там же. С. 88.

³ Там же. С. 89.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Эртель А. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Московское книгоиздательство, 1909. С. 116.

кругов чтения героев прочно связаны с их убеждениями, кроме того, в Любе горит идейный огонь. Упоминание книг в очерке позволяет усилить конфликт поколений и классов, а также подвести действие повести к кульминации.

Большое значение имеет чтение в складывании характера и типа героя в повести «Минеральные воды». Максим Шигаев, купеческий сын, по недосмотру родителей не попадает в гимназию, остаётся «вкусать сладости беспорядочного домашнего образования», а потом получает неограниченный доступ к книгам. Эртель демонстрирует, что это и хорошо, и плохо: Максим развивается и получает знания из книг, однако «воображение его было заткано целою сетью ярких образов и фантастических представлений».¹ Всё образование героя и его опыт складывают книги. Сначала Максим мечтает о славе и известности: «Он по очереди мечтал видеть себя то великим полководцем, покоряющим мир, начитавшись истории Наполеона с картинками Гораса Верне; то великодушным разбойником на манер Кирджали или Дубровского; то таинственным и своенравным богачом подобно графу Монте-Кристо; то удалым запорожцем вроде Тараса Бульбы».² Эртель показывает, что книги способны сыграть и недобрую службу в бессистемном чтении необразованного человека, не имеющего серьёзного руководства. Впечатлительный Максим обуреваем не только размышлениями, но и чувствами, с которыми не может совладать, а такое становление не идёт на пользу герою: «Между тем, за романами пошли книги иного склада. И вот, когда пылкая проповедь Писарева и других публицистов вторглась в сознание Максима, когда явились переложённые на упрощённый лад и Бокль, и Огюст Конт, и Дарвин, и Лассаль, – всё больше задним числом и в беспорядочном сочетании, – Максим не то,

чтобы ошалел, но как-то *расплылся и жестоко затосковал*» (курсив наш. – И. С.).³

Своеобразная бессистемность чтения характерна и для героя романа «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» Николая Рахманного. Этот герой самостоятельный и упорный, пусть его чтение несколько хаотично, однако благодаря жизненной сметливости Рахманный избегает перегибов. В отличие от героев других повестей, Николай сумел применить накопленные в ходе самообразования знания в условиях меняющейся пореформенной действительности. Найти свой истинный путь, сформировать круг правильных ценностей, сохранить богатый и чистый внутренний мир во многом помогли Николаю люди, ставшие его нравственными ориентирами на разных жизненных этапах. В «Гардениных...» Эртель вновь использует также образ героя, списанный со своего тестя (образ читающего купца): «Николай в романе тянется к научным зданиям, но ему часто не хватает опыта, понимания основ, именно поэтому с большим восторгом слушает он купца Косьму Васильевича Рукодеева, рассказывающего о последних литературных журналах, необходимости посещения библиотеки» [5, с. 78], «непродолжительным окажется влияние на Николая Ильи Финогеныча Ефёрова, купца демократических взглядов, видевшего путь спасения общества в лояльных мягких методах воздействия (повсеместном просвещении, беседах, книгах и т. д.)» [5, с. 78]. Но особенность ситуации Рахманного в том, что он слышит о литературе и разных книгах не от одного человека, вокруг него несколько образованных и грамотных героев, включая народного праведника Ивана Федотыча. Именно эти персонажи сформируют круг литературных интересов Рахманного, ставший мощным фундаментом для развития личности юноши.

Важным для развития сюжета мотив чтения окажется в повести «Две пары». Семейная чета интеллигентов Сергей Петрович и Марья Павловна, перебрав-

¹ Эртель А. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. Волхонская барышня. Минеральные воды. М.: Московское книгоиздательство, 1909. С. 210.

² Там же.

³ Там же. С. 212.

шись жить на небольшой хутор, стараются сблизиться с народом. Это добрые и открытые люди, но особенности мировосприятия и нрава крестьян они знают только понаслышке, а ещё по не очень достоверным книгам. Это порождает бездну недопонимания между героями и народом, а попытки сближения провоцируют лишь конфликты в паре. Осенними вечерами Сергей Петрович и Марья Павловна всё больше молчат в компании друг друга: «...читали они журналы, так называемых классиков, но мало говорили по поводу прочитанного».¹ Лишь один раз предлагает Марья Павловна вместе почитать Маркса, ведь многое из мыслей и теорий писателя ей оказалось непонятным. В этом желании изучить и понять суть теории Маркса раскрывается положительное стремление героини разобраться в истинном положении дел не только экономического вопроса, волновавшего всё интеллигентное общество пореформенной России, но и острых социальных проблем. В статье «Об актуальности идей Карла Маркса» В. В. Миронов отметил целый комплекс философско-антропологических идей, изложенных Марксом, «связанных с пониманием человека как существа, преобразующего мир», а также «о ценности человеческой личности, интересы которой могут стоять выше интересов классовых» [6, с. 11]. По сей день учение Маркса является одним из самых обсуждаемых, спорных и актуальных одновременно. Однако для барышни, чей литературный кругозор складывался на основе романтической литературы XIX в., труды немецкого философа, социолога оказались непосильны. А Сергей Петрович не прилагает усилий, чтобы объяснить супруге что-либо.

Эртель прекрасно показывает, что готовые к усадебной жизни, организованной за счёт эксплуатации крестьян, эти дворяне-интеллигенты, одолеваемые прекрасными мечтами сближения с народом, терпят глубокий кризис, как только *дело доходит до любых сложностей*: «Сергей Петрович

с таким неудовольствием и с такой сбивчивостью объяснял непонятное для неё», что на третий день, по обоюдному молчаливому согласию, чтение было заброшено, и «стали читать *Дачу на Рейне* Ауэрбаха».² Не случайно Этель вводит в повествование именно этот роман немецкого писателя. Автор даёт нам своеобразную подсказку, необходимую для раскрытия характеров героев и причин их неудач на поприще решения народного вопроса. В «Даче на Рейне» Ауэрбаха граф Клодвиг, которого Д. А. Чугунов в статье «И. С. Тургенев и Б. Ауэрбах» называет «образцом дворянина» [7, с. 60], размышляет об особой социальной функции представителей дворянства: «Дворянство есть не что иное, как традиция того, что было создано силой ума и характера, и этот капитал сделался наследственным правом или, вернее, обязанностью. Дворянин – это человек, в котором природа и история соединяются в одно, и постоянно возобновляющийся человеческий род сохраняет таким образом нравственную связь с прошлым».³ Таким образом, чтение героями «Дачи на Рейне» взамен начатого и непонятого Маркса даёт нам ответ на вопрос, почему Сергей Петрович и Марья Павловна не смогут сойтись с народом. Сама их дворянская природа противится этому, одного лишь желания оказывается недостаточно, чтобы изменить мужиков. Необходимы в этой ситуации и личное самосовершенствование, и адаптация под культурные традиции и нравы крестьянства, и ежедневный систематический труд и общение с народом.

Попытки Сергея Петровича устроить личное счастье крестьянской пары Фёдора и Лизутки претерпевают полный провал, несостоявшегося свата с позором выставляет вон из избы отец невесты: «Ступай-ка, барин, по добру по здорову, – в чужие дела не вламывайся!»⁴ Для мужиков Сергей

² Там же.

³ Ауэрбах Б. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Дача на Рейне. Роман: в 3 ч. Ч. 3 / пер. под ред. И. Семенова. М.: М. В. Клюкин, 1900. С. 667.

⁴ Эртель А. И. Волхонская барышня: повести / сост. К. Ломунов. М.: Современник, 1984. С. 305.

¹ Эртель А. И. Волхонская барышня: повести / сост. К. Ломунов. М.: Современник, 1984. С. 312.

Петрович так и останется барином, привычки и взгляды на жизнь которого разительно отличаются от традиций крестьянства. Такое же разочарование ощутит Марья Павловна. Книжное представление о крестьянках, сформированное чтением поэм Н. А. Некрасова «Коробейники» и «Кому на Руси жить хорошо», будет развенчано столкновением с реальными деревенскими девками: «...всё-то в совокупности произвело на неё впечатление живейшей досады и тоски... Ей досадно было на свою “глупость”, на смешное и нелепое “сближение и с народом”».¹ Таким образом, практика контакта дворянства с представителями народа окажется намного труднее, чем теория, изложенная в книгах: реальные люди оказались гораздо приземленнее книжных образов, тщательно продуманных и художественно обработанных.

В повести «Карьера Струкова» главный герой Алексей Васильевич Струков также изучает теории Маркса и даже пишет статью, в которой пытается разобраться в тонкостях некоторых экономических теорий: «Я только хочу сказать, что у Маркса есть мысли превосходно обоснованные, и есть такие, что только намечены. Я в своей статейке хотел доказать одну из последних, – или лучше не доказать, а отметить её значение в одной маленькой области фактов – в зависимости политических идей в Англии от колебания земельной ренты».² Эртелем создаётся художественная перекличка между двумя повестями. Интересно заметить, что героиня «Карьеры Струкова» Наталья также не понимает этих сложных учений: «Ну, я ничего не смыслю в этих экономических теориях, ну, я не различу: где Маркса и где... как его там, Рикардо, что ли?»³ Эта параллель подчёркивает, с одной стороны, низкий уровень женской эмансипации, которая в конце XX в. только начала набирать свои обороты. Женщины в повестях Эртеля хотя и высоко культурны, достаточно образованы, но по-прежнему

отстранены от вопросов политики и экономики, повсеместное право заниматься которыми оставалось за мужчинами. С другой стороны, чтение Струкова показывает потенциал, который был в него заложен, способности героя и его интеллект, но неспособность к практической реализации и продвижению в жизни.

Автобиографические элементы в произведениях писателя. Сходства и различия автора и читающих героев

Анализ повестей Эртеля, осмысление мотива чтения в них приводят нас к осознанию автобиографических моментов в художественных текстах, использования Эртелем при создании миров произведений собственного опыта, причём не всегда положительного. В автобиографии Эртель честно и правдиво показал и натуру своего тестя, и сложности с первой супругой, начавшиеся фактически сразу после женитьбы. В пожилом купце Григории Шигаеве, отце Максима и герое повести «Минеральные воды», знающий историю Эртеля читатель достаточно легко узнает его тестя Ф. И. Федотова. Эртель писал, что положение и судьба Ф. И. Федотова были достаточно схожи с историей его молодости. Фигура тестя стала для писателя своеобразным предостережением и уроком. Ф. И. Федотов, как и герой Эртеля Григорий Шигаев, очень любят читать, составляют домашнюю библиотеку. Однако писатель очень точно подмечает специфическое отношение обоих к прочитанному, становящееся порою слишком категоричным. Вот что Эртель писал в автобиографии о И. В. Федотове: «Посреди грязи и пошлости торгового люда... он каким-то чудом сохранил интерес к отвлечённой мысли, страстно любил читать, и так как был богат, до страсти полюбил и покупал книги. Таким образом у него составила библиотека тысячи в две томов. ... Начитанность у него была изумительная..., и вместе детское непонимание жизни, любовь к грубым словечкам, к циническим отзывам о делах и о людях...»⁴

¹ Эртель А. И. Волхонская барышня: повести / сост. К. Ломунов. М.: Современник, 1984. С. 274.

² Там же. С. 318.

³ Там же.

⁴ Эртель А. И. Письма А. И. Эртеля. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1909. С. 16.

В «Минеральных водах», создавая характер Шигаева-отца, Эртель даже гиперболизирует эти черты в пространных описаниях героя и круга его чтения.

А в отношениях Струкова и его жены Наташи, в невозможности искреннего диалога и общения между ними угадываются первые конфликты самого Эртеля и его первой супруги, которая, по словам писателя, достаточно быстро после свадьбы отошла от дел мужа, перестала вникать в его сложности, помогать бороться с ними: «Очень быстро после женитьбы М. И. не только перестала руководить мной при выборе книг и вообще влиять на меня в моем умственном и душевном развитии, но даже до слабости подчинилась мне, не находя возражений ни против моих недостатков, ни против некоторых моих прямо нехороших и несообразных с “передовыми” книгами дел. Она оказалась хорошей хозяйкой, стала стряпать, стараться, чтобы всё было прибрано, и т. д. Пока я не находился в этом дурного, но “душою” незаметно отделился от неё».¹

Дело в том, что Эртель сам много занимался изучением вопросов современной экономики. Долгие годы управляя крупными именными, он осознавал необходимость развития и совершенствования своих знаний в различных отраслях торгового дела, социологии, политологии и др. Писатель всегда желал быть в курсе последних тенденций и открытий. Во время исследования библиотеки Эртеля в Воронеже О. Г. Ласунский был потрясён обнаружением двух книг В. И. Ленина: «Экономические этюды и статьи», СПб., 1899 и «Развитие капитализма в России», изд. М. И. Водовозовой. СПб., 1899. Исследователь отмечает: «Со вниманием изучал книгу Ленина Эртель. Своё сугубо особенное отношение к ней он подчеркнул даже внешне, пометив на обложке, помимо штампа, ещё и автограф. Беспощадная ленинская критика беспочвенных утопий народничества, несомненно, пришлась по вкусу писателю» [3, с. 75]. Это наблюдение

литературоведа ещё раз подчёркивает ошибочность тех исследователей, которые слепо относили Эртеля к писателям-народникам. Подтверждает эта находка и тот факт, что Эртель был увлечён некоторыми идеями марксизма. Как мы видим, этот интерес нашёл отражение и в его художественных произведениях, в круге чтения героев.

В последнем крупном романе Эртеля «Смена» главный герой, дворянин Андрей Мансуров также наделён автобиографическими чертами, в частности, кругом литературных интересов. В статье «У истоков русской рецепции Эдвина Арнольда» Д. Н. Жаткин и В. В. Сердечная анализируют важный эпизод романа, в котором Мансуров занимается переводом поэмы Арнольда «Свет Азии»: «перед героем стоит задача прочесть поэму через стиль ветхозаветного повествования» [8, с. 255]. Важно отметить, что за два года до завершения работы над «Сменой» сам Эртель трудится над переводом жизнеописания Будды. Работа производилась на основе незавершённой статьи Л. Н. Толстого «Сиддхартха, призванный Буддой». В письме В. А. Гольцеву от 15 октября 1889 г. Эртель пишет, что для стилизации «самым подходящим казался тон Ветхого завета: великолепная наивность, пышная образность и вместе какая-то детская прозрачность мысли. Вот я и занят теперь, что поддерживаю язык Екклесиаста, Исакий и книги об Иове».² В этом же письме Эртель даёт намёк о задумке новой «небольшой повести. Название “Ночи безумные”..., содержание – секрет».³ Именно эта повесть и перерастёт впоследствии в роман «Смена», а работа Эртеля над переводом поэмы Арнольда будет отражена в труде Мансурова.

Однако если для Андрея Петровича перевод жизнеописания Будды «не путь к духовной работе, и не собственно работа, а своего рода средство эскапистского самозабвения и прокрастинации, способ занять ленивый мозг» [8, с. 255], то для Эртеля данный труд стал своего рода меди-

¹ Эртель А. И. Письма А. И. Эртеля. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1909. С. 16.

² Там же. С. 176.

³ Там же.

тацией, расширением граней человеческого познания: «Я работаю с удовольствием, испытываю наслаждение в этом мире эпической мудрости и эпической красоты»¹, – пишет он Гольцеву в том же письме.

Несмотря на эти отличия, исследователи считают Мансурова героем автобиографичным «и в смысле переложения истории Будды языком Ветхого завета, и в том, что перевод так и не был дописан» [8, с. 258]. Вот только Мансуров бросит перевод неосознанно, поддавшись своей слабости, погрязнув в развлечениях «ночей безумных». Работа же Эртеля будет неоднозначно оценена Толстым. С одной стороны, он отметит, что «переделка Эртеля очень хороша», но за «библейский тон» Толстой перевод осудит, пометив, что «упростить – выигрывает».² В этой цитате мы видим отражение тяги Толстого к концентрации на эпических константах жизни [9, с. 25] и реализацию важного толстовского принципа опрощения, который повсеместно распространялся на частную жизнь писателя, его литературную деятельность, язык его произведений: «В области языка, как и во всей своей художественной работе, Толстой борется за правду и простоту, за реализм, за беспощадное разоблачение словесных штампов, ходячих фраз, за точное, неприкрашенное изображение жизни в художественном и публицистическом слове», – отмечает М. Малькова [10, с. 11].

Заключение

Таким образом, мотив чтения, отражённый в произведениях Эртеля, можно признать одним из важнейших во всём его

творчестве, глубинным образом связанным с автобиографическими элементами в наследии писателя. Круг литературных интересов его героев во многом отражает предпочтения самого автора, предостерегает читателя от ошибок не только в чтении, но и в жизни. Произведения Эртеля разных периодов творчества позволяют говорить об изменении круга чтения самого писателя и смещении его ценностных ориентиров. В произведениях Эртеля первого периода творчества преобладают демократические настроения, ещё не разочаровавшийся в народническом движении писатель активно противопоставляет литературу «чистого искусства» (поэзию А. А. Фета) и произведения народников. Позднее на первый план выходит идея просвещения народа, автобиографический герой в романе «Гардерины», Николай Рахманный много читает для того, чтобы разобраться в жизни. В завершающий период творчества сам Эртель обращается к публицистике и переводам, несколько отходит от чисто практической деятельности к чтению абстрактному. В этот же период, в 1890-е гг., Эртель изображает всё больше недеятельных героев из дворян, не сумевших встроиться в новые реалии жизни. Однако между самим писателем и его философски настроенными эстетам есть большая разница: Эртель предпочитал систематический труд на земле и помощь народу, в то время как его герои оказались неспособны к практическим решениям. Мотив чтения, образ книги в наследии писателя говорят о его обширном кругозоре, помогают выявить разные этапы становления и эволюции его таланта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скороходов М. В. Чтение и библиотека в русской литературной традиции (от помещицкой усадьбы до дачи советского периода) // Два века русской классики. 2023. Т. 5. № 3. С. 202–217. DOI: 10.22455/2686-7494-2023-5-3-202-217.
2. Андреева В. Г. Эпистолярное наследие Л. Н. Толстого рубежа XIX–XX веков: мотив чтения в усадьбе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 6–1. С. 80–90. DOI: 10.20339/PhS.6-21.080.

¹ Эртель А. И. Письма А. И. Эртеля. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1909. С. 176.

² Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 86. Письма к В. Г. Черткову. М.: Художественная литература, 1937. С. 275–276.

3. Ласунский О. Г. Власть книги: рассказы о книгах и книжниках: в 2 кн. Кн. 1. М.: Книга, 1980. 208 с.
4. Белов А. М., Галинская О. Ю. Об уровне грамотности населения Костромской и Ярославской губерний в кон. XIX – нач. XX вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. № 4. С. 34–40. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-4-34-40.
5. Смирнова И. Ю. Особенности архитектоники романа А. И. Эртеля «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Специальный выпуск. С. 71–81.
6. Миронов В. В. Об актуальности идей Карла Маркса // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 5. С. 9–11.
7. Чугунов Д. А. И. С. Тургенев и Б. Ауэрбах: к сравнительной характеристике двух творческих систем // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2004. № 1. С. 52–71.
8. Жаткин Д. Н., Сердечная В. В. Рецепция поэмы Эдвина Арнольда «Свет Азии» и идеи буддизма в творчестве Льва Толстого и «толстовского круга» // Два века русской классики. 2025. Т. 7. № 1. С. 240–263. DOI: 10.22455/2686-7494-2025-7-1-240-263.
9. Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский / под науч. ред. В. Г. Андреевой. Кострома: Костромской государственный университет, 2022. 512 с. DOI: 10.34216/russian-epic-novel-2022.
10. Малькова М. Ю. Язык произведений Л. Н. Толстого // Филолог. 2009. № 9. С. 11.

REFERENCES

1. Skorokhodov, M. V. (2023). Reading and a Library in the Russian Literary Tradition (From the Landowner's Estate to the Dacha of the Soviet Period). In: *Two Centuries of the Russian Classics*, 5 (3), 202–217. DOI: 10.22455/2686-7494-2023-5-3-202-217 (in Russ.).
2. Andreeva, V. G. (2021). The Epistolary Legacy of L. N. Tolstoy at the Turn of the 20th Century: The Motif of Reading on the Estate. In: *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 6 (1), 80–90. DOI: 10.20339/PhS.6-21.080 (in Russ.).
3. Lasunsky, O. G. (1980). *The Power of a Book: Stories about Books and Scribes. Bk. 1*. Moscow: Kniga publ. (in Russ.).
4. Belov, A. M. & Galinskaya, O. Yu. (2023). On the Literacy Level of the Population of the Kostroma and Yaroslavl Provinces in the Late 19th – Early 20th Centuries. In: *Bulletin of Kostroma State University*, 29 (4), 34–40. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-4-34-40 (in Russ.).
5. Smirnova, I. Yu. (2024). Features of the Architectonics of A. I. Ertel's Novel "The Gardenins, Their Servants, Supporters, and Enemies." In: *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, S, 71–81 (in Russ.).
6. Mironov, V. V. (2018). On the Relevance of Karl Marx's Ideas. In: *Lomonosov Philosophy Journal*, 5, 9–11 (in Russ.).
7. Chugunov, D. A. (2004). I. S. Turgenev and B. Auerbach: Towards a Comparative Characteristic of Two Creative Systems. In: *Bulletin of Voronezh State University. Series: Humanities*. 2004. No. 1. Pp. 52–71.
8. Zhatkin, D. N. & Serdechnaya, V. V. (2025). Reception of Edwin Arnold's Poem "The Light of Asia" and the Ideas of Buddhism in the Works of Leo Tolstoy and the "Tolstoy Circle." In: *Two Centuries of the Russian Classics*, 7 (1), 240–263. DOI: 10.22455/2686-7494-2025-7-1-240-263 (in Russ.).
9. Andreeva, V. G., ed. (2022). *The Phenomenon of the Epic Novel in Russian Literature of the Second Half of the 19th Century: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky*. Kostroma: Kostroma State University publ. DOI: 10.34216/russian-epic-novel-2022 (in Russ.).
10. Malkova, M. Yu. (2009). The Language of L. N. Tolstoy's Works. In: *Philologist*, 9, 11 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнова Ирина Юрьевна (Кострома) – преподаватель Костромского областного медицинского колледжа имени С. А. Богомолова;

ORCID: 0009-0004-4663-0160; e-mail: Irisbaltsan@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina Yu. Smirnova (Kostroma) – Teacher, Kostroma Regional Medical College named after S. A. Bogomolov, Kostroma;

ORCID: 0009-0004-4663-0160; e-mail: Irisbaltsan@mail.ru